

Н О В Ы Й ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

1911 г. МАРТЪ № 29

СОДЕРЖАНІЕ

А. КУПРИНЪ.—Бѣшеное вино.	3	Прив.-доц. В. ФРИЧЕ. Бласко	
А. РОСЛАВЛЕВЪ. — Через- полосица	8	Ибаньесъ	106
А. ЧАПЫГИНЪ.—На Сѣверѣ.	77	П. БЕРЛИНЪ.—Дворяне и про- мышленники	114
ИВАНЪ СТРАННИКЪ.— Тя- желое счастье	83	Э. ПИМВОВА.—Изъ иностран. жизни.	121
СТИХОТВОРЕНІЯ: Ал. Бискъ, Л. Василевскаго, Евг. За- горскаго, В. Пахомова . .	1	НОВЫЯ КНИГИ	126
ВЯЧ. ПОЛОНСКІЙ. — Тарасъ Шевченко (1861—1911 г.).	91	СПИСОКЪ КНИГЪ	132
Проф. В. СПЕРАНСКІЙ.—Буд- дизмъ. /	100	ОБЪЯВЛЕНІЯ.	
		Репродукціи съ картинъ Фр. Штука на отдѣльныхъ листахъ.	

Ц. 25 к., съ перес. и на вокз. ж. д. 35 к. На годъ—2 руб.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ:

СПБ. ФОНТАНКА, 38.

При этомъ номерѣ разсылается журналъ „ВѢСТНИКЪ ЗДОРОВЬЯ“. Лица не
получившія благоволятъ обратиться въ редакцію журнала „ВѢСТНИКЪ ЗДОРОВЬЯ“.
С.-Петербургъ, Баскова ул., 9. № будетъ высланъ бесплатно.

Всё затруднения, которые ставят перед поэтом требования разбора и ринца, г-жа Д. разрешает включением в свои стихи одного магического слова — «альф». Оно играет у Д. ту же роль, какую у начинающих поэтов играют односложные — «уж», «вот», «я», «да» и т. п.

«Алая дрожь», «алое ожидание», «алый ключ», «алая тоска», «алый плеск», «алость усть», «алая весна», «алый плоть», — всё такая только комбинация не вступающая излюбленное слово г-жи Дубовой со всеми известными существительными, иногда по два, по три раза в одном и том же стихотворении! Прибавив сюда немного «тиховьности», «струйности», «сладостных безволий» и «небесных горбей», г-жа Д. легко получает звучные стихи, которые при спешном отношении к ним могут сойти и за поэзию.

Борис Зайцев. Разказы. Кн. 3-я Изд. «Шиповник». Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Целая прощай отдаётся третья книга. Бориса Зайцева от первого сборника его рассказы, появившегося несколько лет тому назад.

Какой-то переворот совершился в настроении талантливого писателя. Нет теперь прежней радости жизни, увлечения самым процессом бытия, меньше лирики и гораздо больше меланхолической грусти, прерывающейся иногда нотами мрачного отчаяния.

«Сны», «Заря» и «Жемчуг» — лучшее из того, что помещено в 3-ей книжке.

«Земля». Сборник VI. Москва. 1911. Ц. 1р. 50 к. Сборник открывается «лирической драмой» С. Юшкевича — «Misereere». Недурной рассказчик-бытовик С. Юшкевич выражается здесь таким языком:

«Юноши и дёвушки, развѣ вы не чувствуете, какъ здѣсь страшно? Юноши и дёвушки, праздники жизни кончатся! Закройте глаза моимъ чернымъ поцелуемъ!»

В таком стиле ведётся диалог на протяжении всего 8 картин пьесы.

Разговаривают юноши и дёвушки о своей обречённости, о том, что в глазах людей «написано: смерть, смерть», о том, что жизнь и любовь страшны и непонятны, а в смерти — единственное убежище и покой.

Действия в драме нет, зато много изумительного подражания Метерлину. Таким образом, даже по сравнению с «Городом» и «Городом», новую пьесу Юшкевича приходится признать неудачной.

Послѣ «Misereere» отдыхает на рассказ А. Кипера «Жа» — таком неожиданно — серьёзном, оригинальном, интересном, повоном движении.

Сюжет — из жизни крестьян — браконьеров. Далѣ идёт нудная «Жизнь Игнатія Ильича» — Крашенинникова — пародия дурного тона на «Смерть

Ивана Ильича». Закачивается сборник «Гранатовый браслетом» А. Купина на тему самоотверженной, героической любви, «о которой грезили женщины и на которую больше не способны мужчины».

XXXIV Сборник 7-а «Знание». Изд. Т-ва «Знание». Спб. 1911 г. Ц. 1 р.

Книгу Гамсуэ не раз за последнее время возвращается к одной и той же темѣ. В новеллах своих «Под осенними звёздами» и особенно в недавней «Странники играют под сурдинку» Гамсуэ аллегорически рисует, как подражается к человеку безрадостная старость, принося с собой грусть, тусклые дни увядания.

Этим же мотивом проникнута и новая пьеса Гамсуэ — «У жизни в лапах», напечатанная в XXXVI-ом сборник «Знание». Когда-то гремевшая по сцене артистка и неотразимо обаятельная женщина «Короля-Иоана» теперь заучивает за стариком, богатым буржуа. В тридцать пять-сорок лет её пьеска сита; все ушло от неё и известность и успехи женщины. Последней любовник бросает её и «она падает все ниже и ниже»... В драме Гамсуэ много подлинного трагизма; мастерски завязывается автором драматический узел; события драмы развертываются энергичными темпами.

В том же сборник напечатаны отрывки из дневника неизвестного нам автора Н. Каржанского под общим заглавием «Париж». Шестьдесят два отдельных наброска, не одинаковой художественной ценности и содержания, пестрых, как впечатлительная кипучая голова, — живо рисуют и elokочущий водоворот Парижа и затерянная в нем фигуры русских эмигрантов. Из множества отрывков лучшие те, в которых зарисована автором подлинная жизнь; остальные — расчудоты и манеры.

М. Сивачев. Прокрустово ложе. (Записки литературы. Макара). Собрание сочин. т. I. Кн-во «Современ. Проблемы». М. 1911 г. Ц. 1 р.

Правдиво рассказавши Одиссея «начинающего писателя», история его неудач и разочарований на тернистом пути к первому успеху могла бы составить не повую, правда, но содержательную тему записок. Безусловно важны при этом полная искренность автора и известная глубина его переживаний; да, да, в глазах читателя, — мистификация «начинающего» только в том случае является «незаслуженными», когда она подвергается подлинный талант.

«Записки литературы. Макара» («Прокрустово ложе»), принадлежат перу М. Сивачева, не отвечают этим требованиям и не дают даже уверенности, что автор из даровитый человек. Больше того — приподнятый тон этих записок, из не-

искренность и претенциозность, безграмотность, обна-
ружившая автору «Прокрустова Ложа», про-
воздвигать прямо — так! неприятное впечатление,
Встретив на своем пути шипы и тернии, М. Си-
вачев возложил почему-то ответственность за них
на «дружину и порочную» интеллигенцию. Сбиваясь
костями в тон дурачного хвасания — самодлюбитель-
ный, неискренний М. Сивачев ршшил, видяте-ли,
заключить «банкротство духа» видявших представи-
телей русской общественности и литературы... Но
артисты литературных способностей М. Сивачева
не хватило даже на то, чтобы грамотно рассказать
о настойчивых своих козлениях по редакциям и
передних писателей.

И совсем уж грустно, что изданный том запи-
сок Сивачева обещает быть печальное продол-
жение в дальнейших томах.

Эди. Гонкуръ. Элиза. Ром. Соб. сочин. Э. и Ж.
Гонкуровъ. т. I. Вступительн. статья Викт. Гоф-
мана. Ки-во. «Сфинкс». М. 1911 г. Ц. 1 р. 50 н.

Творчество Гонкуровъ настолько значительно и
своеобразно — что, как замечает въ вступительной
статье Викт. Гофман — ценности ихъ произведений
ни мало не умаляли протекшия со смерти Гонкуровъ
десятилетия, и, во всякомъ случаѣ для насъ, Гонку-
ры не могутъ считаться устарѣвшими.

Романъ «Элиза» написанъ старшимъ изъ брать-
евъ Эдмондомъ Гонкуромъ. Несмотря на то, что въ
разсматриваемомъ романѣ почти нѣтъ діалога,
что въ немъ всего лишь одно действующее лицо —
онъ привлекаетъ внимание съ первыхъ же страницъ.
И неудивительно: Э. Гонкуръ мастерски сочетаетъ
въ романѣ психологическій анализъ, пысканную
точность стили съ содержательностью и глубиной
сюжета. Самая фабула романа — достаточно не-
сложна: проститутка Элиза въ несомнѣнномъ при-
падѣ истерии убиваетъ своего любовника. Смерт-
ный приговоръ осужденной «смягчается» до
пожизненного тюремнаго заключенія, тяжесть ко-
торого безпрестанно усиливается безчеловѣчной пыткой —
системой полного молчанія заключенныхъ. Дья-
вольское изобрѣтеніе въ недолгія и холодныя тѣ-
ла заключенныхъ въ идіоты и ходячіе трупы.
Романъ Э. Гонкура и поднимаетъ краснорѣчивый
протестъ противъ безчеловѣчныхъ пытокъ жестовой
«исправительной мѣры»...

Дѣльная и обстоятельная статья Викт. Гофмана
предислана роману. Читатель вынесетъ изъ нея за-
кономство съ творчествомъ и жизнью братьевъ Гонкуровъ.

Н. Чуковский. «О Леонидѣ Андреевѣ». Ц. 50 н.
Онъ же «Матерямъ о дѣтскихъ журналахъ».
Ц. 60 коп. Спб. 1911 г.

К. Чуковский говоритъ, что Андреевъ пишетъ
плакаты, что его художественный принципъ: «бей
по головамъ».

Что касается Андреева, то характеристика г. Чу-
ковского представляется спорной.

Она ошвергается хотя бы той табличей суж-
дений российской критики о прозведеніяхъ Л. Ан-
дреева, которую приводитъ г. Чуковский въ концѣ
своей работы.

Хороши, въ самомъ дѣлѣ, плакаты, хороши
афиши, если о каждой изъ нихъ не смѣешь другъ
одинаковыхъ мнѣній! Но самого К. Чуковского очень
легко узнать въ его рецензіи о Л. Андреевѣ:

«Ахъ, онъ лязгать, молодецъ, засучивъ рукава,
засвисталъ, схватилъ помело, и весело, лихо, раз-
махисто, на широчайшихъ какитъ-то заборѣхъ ля-
паетъ, жажетъ малецъ, и какъ красна у него крас-
ная краска, и какъ черна у него черная краска...
К. Чуковский убаюкаетъ, что онъ «въ восторгѣ отъ
такого искусства». Что-жъ, въ добрый часъ, если
это искренно.

Вторая книжка г. Чуковского написана по тому
же методу: «бей по головамъ».

Но есть въ ней одна особенность, вообще несвой-
ственная Чуковскому.

У него никогда не чувствуется любви къ тому, о
чемъ онъ пишетъ. Въ противоположность напр. Бѣ-
линскому, собственныя писанія ему гораздо дороже
объекта этихъ писаній. Книжка «о дѣтскихъ жур-
налахъ» — одна изъ невнятныхъ работъ, состав-
ляющихъ въ этомъ смыслѣ исключеніе. Это — пре-
красная клякша, пропитанная искренней, горячею,
огромной любовью къ дѣтямъ, написанная не только
съ обычнымъ для Чуковского талантомъ, но и съ
необычайной сердечностью.

В. Вересаевъ. «Живая жизнь». О Достоевскомъ
и Толстомъ. Стр. 212. Ц. 1 р. 25 н. М. 1911.

Послѣ появленія въ печати замѣчательнаго труда
о Достоевскомъ и Толстомъ — Д. Мережковского про-
тивоположеніе этихъ писателей другъ-другу стало почти
обычаемъ въ нашей критической литературѣ. Слѣ-
дуетъ этому установившемуся обычаю и В. Вересаевъ.

Къ сожалѣнію, онъ до такой степени усиливаетъ
контрасты обоихъ писателей, что отъ Толстого и До-
стоевскаго остаются однѣ схемы, навѣщенные къ тому
же съ понятной односторонностью. «Человѣкъ про-
клятый» — вотъ мнѣніе Достоевскаго. «Да зара-
зуетсяъ весь міръ!» — вотъ вѣрный гимнъ души Тол-
стого.

Неудивительно, что въ этой схемѣ остается пѣ-
даль рядъ такихъ героевъ Достоевскаго, какъ Алеша
Карамазовъ, Зосима, Сона Мармеладова, кн. Мышкинъ,
что въ нее, несмотря на всѣ усилія автора, не укла-
дываются Подвишневъ и пѣтиторы другие персонажи
Толстого.

Впрочемъ, схематичность книги Вересаева нѣмѣтъ
и хороша стороны: характеристика обоихъ писателей
пріобрѣтаетъ, благодаря ей, наибольшую выукность и
яркость, и собственныя мысли автора — четкость и
опредѣленность.